

ОДНА СЕМЬЯ

газета храма и школы **5** 2004
(41) села Рождествено

Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство. Лука 12, 32

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ДНЕМ ПОБЕДЫ!

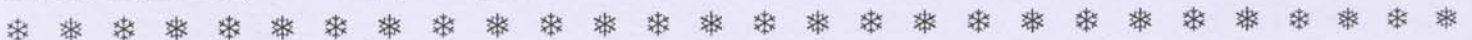
9 мая - праздник особенный Священным трепетом

наполняется душа человека, люди семьями приходят к памятникам, в храмах служатся панихиды о всех, положивших душу свою за нашу землю. Все меньше и меньше остается на земле тех, кто пережил Великую Отечественную, после нее были другие войны, где погибли русские люди, но сердце помнит осо-

бой памятью именно эту войну. Кажется, что если память о ней исчезнет, исчезнет и нечто важное в нас самих. Мы никогда и не называем ее Второй мировой, а только Великой Отечественной. В этом особое чувство - не исторического события, пусть и важного, а личного события жизни. Ведь каждой нашей семье она как-нибудь да коснулась. Может быть, поэтому и рождается 9 мая такое особенное трепетное единство разных людей по всей стране.

О Великой Отечественной написано, наверное, больше книг, чем о других исторических событиях. В публикациях последнего времени начали, наконец, освещаться вопросы взаимоотношений Русской Православной Церкви и Советской власти в тот период. В прошлом году наша газета печатала посвященный этой проблеме материал Олега Волкова «Жребий патриарха Сергия» (см. №9 за 2003 год). А теперь у нас появилась возможность увидеть эту войну с совершенно неожиданной стороны - глазами русских православных людей, оказавшихся в сороковые годы в фашистской Германии, глазами русских беженцев первой волны эмиграции, бежавших от революции, и русских гражданских пленных, вывезенных на работу в Германию, многие из которых родились уже при Советской власти. На дорогах войны встретились два мира, две России. И оказалось, - нет никаких двух миров. Есть лишь душа человеческая, устремленная всей силой ко Христу, есть одна Россия и одна Церковь.

Автор книги «Город в огне», фрагменты из которой мы публикуем, - архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской), князь из рода Шаховских, потомок Рюриковичей, эмигрировавший из России, поэт, издатель «толстого» литературного журнала, принявший в двадцать четыре года иноческий постриг на Афоне, в 30-40 годы был настоятелем храма св. кн. Владимира в Берлине. На его глазах набирала обороты фашистская машина смерти. В его храм приходили наши соотечественники, ища силы жить на войне. Сам он рассказывает об этом периоде жизни немного, но чрезвычайно ярко. Читая, мы открываем эту войну, с новой неизвестной, может быть, нам стороны, еще раз изумляясь любви Божией и силе истинной веры человека.

Архиепископ Сан-Францискский Иоанн (Шаховской)

Из книги «Город в огне»

Время войны не пришло в мир неожиданно. Слишком сильно было напряжение предвоенных лет, все готовились к войне, и вопрос был только в том, до какой степени Западный мир готов сам себя разрушить. Материализм, Коричневый и Красный, стояли один против другого, и, подписывая между собою пакт, думали каждый свою думу, ничего общего не имеющую с миром человечества. И над тем, и над другим совершился Божий Суд. Он начался 22 июня 1941 года, в День Всех Святых, в Земле Российской просиявших.

...К началу сороковых годов Русская Церковь стояла в России накануне своего полного уничтожения... И - все увидели, как в огне и грозе началось ее воскресение. Церковь восстала, поднялась среди молний, сошедших на царство себя превозносящего демонического материализма... Сила религиозного понимания истории открылась в словах первоиерарха Русской Церкви митрополита московского Сергия. Сквозь всю свою связанность и прикровенность своих слов он выразил религиозную истину и надежду, что огненное испытание, начавшееся в знаменательный День памяти Всех Святых Земли Российской, должно стать началом духовного спасения народов в Боге. Сквозь огонь горящей соломы начало очищаться и открываться золото. И на Западе, и на Востоке.

...«Всемирный союз безбожников» был распущен. Партийный материализм, сидевший спицей в глазу русского человека, перестал быть виден. Случилось так, что гонители Церкви, вопреки

своей воле подчинясь воле Божьей, стали даже содействовать верующим в открытии оскверненных храмов, звали к служению пастырей, возвращали их из ссылки и лагерей. Всемирный клич безбожия «Интернационал» перестал в те дни быть гимном русского народа. И в Великую Субботу, 4 апреля 1942 года, в 6 часов ут-

Архиепископ Сан-Францискский
Иоанн (Шаховской)

ра, московская радиопередача неожиданно для всех началась сообщением распоряжения коменданта Москвы, разрешающего свободное движение в Москве в ночь на пятое апреля... Восторгом православных москвичей, удовлетворенных в самых заветных своих ожиданиях не было конца.

...Берлинскому приходу св. кн. Владимира многое пришлось пережить во время войны. Встреча с русскими людьми, привезенными во время войны из России в Гер-

манию, стала для нас, эмигрантов, поистине «Пасхой среди лета». Россия, молящаяся, верующая, добрая, жертвенная Россия, к которой мы двадцать лет стремились, встречи с которой так ждали - сама пришла к нам. Сколько юношей и девушек, взрослых, младенцев было нами в те дни в Германии исповедано, причащено, крещено, приобщено к Церкви. Эти юноши и девушки, порабощенные жесточайшей немецкой властью, угнетенные каторжной нечеловеческой работой на фабриках и заводах тоталитарной войны - они по воскресеньям, часто после бессонной ночи, проведенной на работе, спешили толпой в церковь.

Гестапо, испуганное этим начавшимся наплывом в наш храм «остовцев» (так назывались наши соотечественники, угнанные на работу в Германию, - прим. ред.), привезенных в лагеря Берлина, захотело, чтобы я вывесил у храма объявление о том, что в мою церковь запрещается вход «людям с Востока». Я сказал чиновнику гестапо, что Церковь Христова зовет к себе людей, а не отталкивает их... Но позже мне пришлось запрещать молодежи русской в праздничные дни Церкви, совпадавшие с рабочими днями, пересекать через ограду лагеря и уходить в храм. Как ни радостно было видеть такой героизм, я категорически запрещал его ради физического сохранения этих горячих верой русских людей...

Уже по субботам на всенощной собор был полон битком, но это еще не была та стихийная, переливающаяся через все края и меры переполненность, которая наступала на следующий день - в воскресенье с утра, когда из собора надо было удалять все сколько-

нибудь хрупкое, потому что, например, однажды эта толпа своим напором раздавила дубовый стол, стоявший у стен церкви. С зари, с пяти, шести часов уже начинала идти эта толпа беленьких платочков и картузов. Они торопились исповедоваться. С пяти часов утра все многочисленные иереи соборного клира, все бесчисленные священники, съехавшиеся в Берлин, множество батюшек, пришедших на богослужение из лагерей, где они сами работали как простые рабочие, - в общей сложности иногда до двух-трех десятков священников, по разным углам храма начинали исповедовать говеющих... Мы за границей забыли, в значительной степени, это драгоценнейшее свойство русской души - умение каяться, не жалея себя, ни в малейшей степени не забеливая черного, с глубоким, тонким чувством добра и зла.

... Причащались из двух-трех-четырёх-пяти чаш, по полтора, по два часа. Очень часто в это время как раз происходили воздушные тревоги и люди подходили к св. Причащению под ужасающий смертоносный грохот рвущихся воздушных мин.

Во время литургии на жертвеннике вырастали гигантские груды поминальных записок, которые прочитывались всеми, присутствовавшими в алтаре. Клочки серой бумаги, обрывки немецких журналов, какие-то бланки были вкривь и вкось записаны корявыми каракулями с именами, иногда простыми и ясными - «Марии, Ивана, Петра», иногда фантастическими, неузнаваемыми - «Хедесея, Алфидипора, Авлконида», иногда по - новому краткими и в церкви забавными - «Маньки, Кольки, Сони, Тани».

После литургии начинались требы: крещения, по 30, по 40, иногда даже по 70, по 80, свадьбы, по 20, по 25. Потом бесчисленные «заочные отпевания». Немцы не

позволяли хоронить «остов» Их сжигали в крематориях или просто зарывали в огромных ямах. После каждого воздушного налета вырастали во множестве такие новые могилы, а в наших церквах, под тихий, безутешный плач, священники вычитывали длинные списки новопреставленных рабов Божиих...

По несколько раз в сутки объявлялась воздушная тревога, и ночью, над улицами, погруженными во тьму, появлялся инфер-

Молебен о победе Русского воинства, служившийся в годы Великой Отечественной войны

нальный свет «елок смерти», которые зажигались передовым отрядом атакующих эскадрилий союзных самолетов, чтобы обозначить ту часть города, на которую будет свален главный груз мин и бомб фугасных и зажигательных... Ковры горящего фосфора ложились на город. Горящие песчинки въедались в тела людей, прожигали их до кости...

В нашем храме на Находитрассе установилось такое правило: если богослужение еще не началось, когда раздавалась воздушная тревога - мы

шли в бомбоубежище. Иначе мы службу церковную продолжали до конца, но советовали молящимся идти в бомбоубежище. Половина молящихся обычно уходила из храма, продолжая свою молитву в «катакомбах». А оставшиеся придвигались к алтарю, и эта молитва во время бомбардировок была самая яркая молитва Церкви... Человек был тут на грани настоящего мира.

Ряд моих прихожан и сотрудников были завалены обрушившимися на них домами - мгновенно «восхищены с земли». Почти все прихожане погорели или иначе пострадали. Вокруг храма дома и улицы лежали в развалинах. Дом, где был храм, стоял среди общего разрушения (одна бомба в конце войны, пробив потолок верхних этажей, упала в храм перед иконой св. Николая Чудотворца и не разорвалась). Приходилось утешать и укреплять многих, всех. Церковь стала не духовным только, но и фактическим центром жизни всех. И принадлежать к ней хотели все - ворота ее открывались уже настезь в иной мир...

Общая исповедь (кроме личной, когда это было нужно и возможно) стала не только правилом, но и необходимостью. Всем надлежало быть все время готовыми. И люди готовились. Падающие на нас бомбы я советовал воспринимать как явление самих апостолов и пророков - проповедников гораздо более убедительных, чем мы, земные пастыри. Одним своим явлением эти пророки миллионам людей говорили о тленности всего земного и о невозможности основывать человеческую жизнь ни на чем, кроме Господа и Его вечной правды... В чувстве исчезновения у людей всех земных подпорок и надежд была чудесная победа Божья над человеком - великая, радостная Божья победа. Некуда было нам податься, кроме как - ко Господу...

нибудь хрупкое, потому что, например, однажды эта толпа своим напором раздавила дубовый стол, стоявший у стен церкви. С зари, с пяти, шести часов уже начинала идти эта толпа беленьких платочков и картузов. Они торопились исповедоваться. С пяти часов утра все многочисленные иереи соборного клира, все бесчисленные священники, съехавшиеся в Берлин, множество батюшек, пришедших на богослужение из лагерей, где они сами работали как простые рабочие, - в общей сложности иногда до двух-трех десятков священников, по разным углам храма начинали исповедовать говеющих... Мы за границей забыли, в значительной степени, это драгоценнейшее свойство русской души - умение каяться, не жалея себя, ни в малейшей степени не забеливая черного, с глубоким, тонким чувством добра и зла.

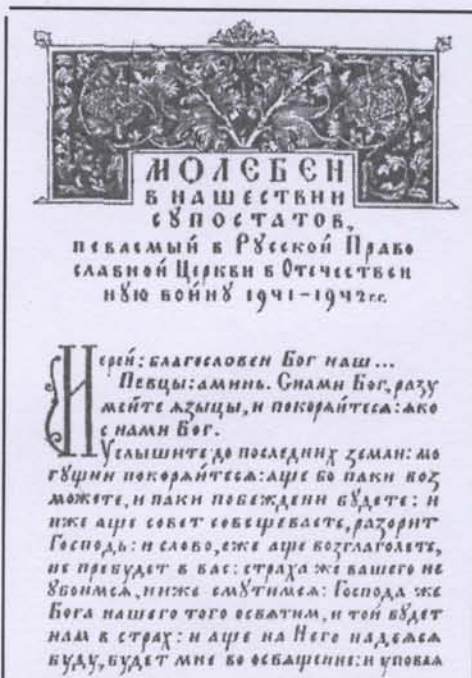
... Причащались из двух-трех-четырёх-пяти чаш, по полтора, по два часа. Очень часто в это время как раз происходили воздушные тревоги и люди подходили к св. Причащению под ужасающий смертоносный грохот рвущихся воздушных мин.

Во время литургии на жертвеннике вырастали гигантские груды поминальных записок, которые прочитывались всеми, присутствовавшими в алтаре. Ключки серой бумаги, обрывки немецких журналов, какие-то бланки были вкривь и вкось записаны корявыми каракулями с именами, иногда простыми и ясными - «Марии, Ивана, Петра», иногда фантастическими, неузнаваемыми - «Хедесея, Алфидипора, Авлконида», иногда по - новому краткими и в церкви забавными - «Маньки, Кольки, Сони, Тани».

После литургии начинались требы: крещения, по 30, по 40, иногда даже по 70, по 80, свадьбы, по 20, по 25. Потом бесчисленные «заочные отпевания». Немцы не

позволяли хоронить «остов» Их сжигали в крематориях или просто зарывали в огромных ямах. После каждого воздушного налета вырастали во множестве такие новые могилы, а в наших церквах, под тихий, безутешный плач, священники вычитывали длинные списки новопреставленных рабов Божиих...

По несколько раз в сутки объявлялась воздушная тревога, и ночью, над улицами, погруженными во тьму, появлялся инфер-

Молебен о победе Русского воинства, служившийся в годы Великой Отечественной войны

нальный свет «елок смерти», которые зажигались передовым отрядом атакующих эскадрилий союзных самолетов, чтобы обозначить ту часть города, на которую будет свален главный груз мин и бомб фугасных и зажигательных... Ковры горящего фосфора ложились на город. Горящие песчинки въедались в тела людей, прожигали их до кости...

В нашем храме на Находитрассе установилось такое правило: если богослужение еще не началось, когда раздавалась воздушная тревога - мы

шли в бомбоубежище. Иначе мы службу церковную продолжали до конца, но советовали молящимся идти в бомбоубежище. Половина молящихся обычно уходила из храма, продолжая свою молитву в «катакомбах». А оставшиеся придвигались к алтарю, и эта молитва во время бомбардировок была самая яркая молитва Церкви... Человек был тут на грани настоящего мира.

Ряд моих прихожан и соратников были завалены обрушившимися на них домами - мгновенно «восхищены с земли». Почти все прихожане погорели или иначе пострадали. Вокруг храма дома и улицы лежали в развалинах. Дом, где был храм, стоял среди общего разрушения (одна бомба в конце войны, пробив потолок верхних этажей, упала в храм перед иконой св. Николая Чудотворца и не разорвалась). Приходилось утешать и укреплять многих, всех. Церковь стала не духовным только, но и фактическим центром жизни всех. И принадлежать к ней хотели все - ворота ее открывались уже настезь в иной мир...

Общая исповедь (кроме личной, когда это было нужно и возможно) стала не только правилом, но и необходимостью. Всем надлежало быть все время готовыми. И люди готовились. Падающие на нас бомбы я советовал воспринимать как явление самих апостолов и пророков - проповедников гораздо более убедительных, чем мы, земные пастыри. Одним своим явлением эти пророки миллионам людей говорили о тленности всего земного и о невозможности основывать человеческую жизнь ни на чем, кроме Господа и Его вечной правды... В чувстве исчезновения у людей всех земных подпорок и надежд была чудесная победа Божья над человеком - великая, радостная Божья победа. Некуда было нам податься, кроме как - ко Господу...

НА СТОРОНЕ ДОБРА

Радовать прихожан спектаклями к праздникам - это уже традиция. На Светлой седмице ученики 1 и 2 классов дважды показали новую пасхальную постановку - для военнослужащих и их семей в одном из военных городков неподалеку от Истры и в Доме культуры города Дедовска. Там наших ребятишек уже успели полюбить - помнят, с какой радостью и жаром сердца они играли зимой на этой сцене спектакль «Снежная королева». А вот теперь новая пьеса, где перемешаны и художественный вымысел, и историческая память, и проблемы современной жизни.

«Спящее царство и золотой рожок - так называется сказка, которую мы выбрали для постановки на этот раз. Ее написал известный автор книг из серии Детская православная библиотека Илья Литвак. Сюжет несложный, понятный даже самым маленьким, а у взрослых вызывающий ассоциации с известными событиями отечественной истории. Тихая, размеренная, благополучная жизнь русской деревни, полной

детей, разом нарушается набегом вражеского войска козловгов, соединивших в себе черты свирепых татар и немецких псов-рыцарей, с которыми бился святой благоверный князь Александр Невский. Людям грозит смертельная опас-

*Жили-были...
Мастер Матвей и жители
Спящего царства*

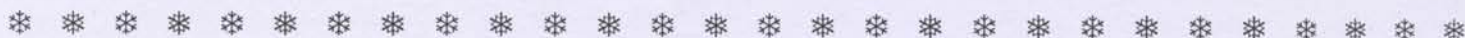
ность, но злое колдовство лени одолело их, и они не отваживаются сражаться с врагом, готовые ему покориться. Только двое смельчаков - мастер Матвей и богатырь Никита не поражены всеобщей болезнью.

«Друзья и братья! Не дадим на растерзание нашу землю!»

Они отправляются за благословением на битву к старцу Харлампию, по дороге обретая настоящую, крепкую веру и надежду, с любовью помогая попавшим в беду людям и птицам. За то они и удостоиваются победы над злом вместе с воспрянувшим от сна народом. Все, как в сказке, все, как в жизни.

Почему мы выбрали для постановки именно эту историю? Добро и зло, живущие в мире, явлены в ней ребенку в полную силу, образы так яркие и понятны, что больше и объяснять ничего не надо. И главное - участвуя в этом спектакле, может быть, впервые в жизни ребенок почувствует, пусть пока на понятном ему детском уровне, что настоящее поле битвы добра и зла - совсем не поле у глухого леса, а сердце человеческое. И события нашей жизни, события истории сильно зависят от того, какой силе человек позволит жить в своем сердце - Божьей благодати или тьме-тьмущей. Но то, что давно понятно взрослому читателю творений святых отцов, ребенку нужно представить, увидеть, ему нужна не цепочка слов, а череда поступков перед глазами. Что значит - любить? Как выглядит надежда? Почему опасно лениться и успокаиваться благополучием жизни? Ребенок оказывается лицом к лицу с такими сложными, главными вопросами жизни. И самое прекрасное, что он решает их не только в интеллектуальном плане, размышляя по ходу действия спектакля, но и проживает их своей жизнью, пока готовится к премьере. Красота добра зовет ребенка на свою сторону, и он действует.

КАК ЭТО, ОКАЗЫВАЕТСЯ, ТРУДНО!

Почти месяц мы готовились к спектаклю. Как же трудно он дался, сколько нужно было преодолеть бесчисленных больших, маленьких и малюсеньких, но казавшихся такими непреодолимыми, препятствий... Ведь это только со стороны, из зрительного зала кажется - как легко, как красиво, как мило! Маленькие детки на сцене играют искренне и по-настоящему, такие у них замечательные костюмы, декорации... Но всякое общее дело сопряжено с громадным трудом притирания людей друг к другу, смирения, помощи, надежды, согласия, ежеминутного отбрасывания собственного хотения ради общей победы. Пока мы готовились к премьере, и дети, и взрослые действительно проживали нечто похожее на то, что происходило с героями сказки.

Столько, оказывается, нужно сделать, чтобы спектакль получился! Родители снова с радостью помогали шить костюмы к спектаклю (у наших юных воинов были даже островерхие шлемы, очень похожие на настоящие древнерусские, и кольчуги). На уроках рисования первоклассники и второклассники расписывали под руководством педагога декорации, учитель

Пасхальный тропарь

физкультуры вырезал изящные деревянные мечи, копья и стрелы для битвы - кульминационной точки спектакля. Общими усилиями сооружали из досок, картона, ткани, металла страшное чудовище - короля свирепых козлогров. Репетировали с детьми обычно после уроков. Они, уже уставшие, несли еще и груз бесконечных объяснений одного и того же, многократного повторения до тех пор, пока не получится.

Это был опыт трудный - учиться складываться общими усилиями, чтобы совершить общее дело, учиться дарить радость. Раньше многим из нас казалось, что самое сложное - побороть волнение на сцене и сыграть, как следует. А нынешняя работа над постановкой открыла, что все гораздо глубже - кроме этого нужно еще не сердить-

ся, не обижаться, прощать, снова и снова помогать, повторять, быть спокойным, несмотря ни на что, не забывать, не лениться, работать на пределе сил... Уметь не только самому по-младенчески ликовать, когда тебе дарят подарки, улыбаются и говорят добрые слова, но и делиться радостью с другим, даже незнакомым человеком. И когда опять и опять казалось, что все плохо, и руки опускались, вдруг неожиданно вспыхивала надежда. Как в сказке, как в жизни.

Иногда приходится слышать о том, что православным детям негоже играть в театр, будто бы в результате этих игр разовьется в них двоедушие. Это сложная тема для разговора, но мне все-таки верится, что если мы сами, взрослые, а через нас и дети, всегда будем помнить о том, что на самом деле главное в жизни, ничего такого страшного не случится. Разными путями идет человек к Богу. Театральные подмостки тоже могут стать такой дорогой. И не только для самого ребенка, любящего еще по-детски играть, но и для многих неизвестных ему, случайных людей, которые, увидев детский спектакль, задумаются. И кто-то, может, не пройдет мимо храма, а войдет в него, вспомнив то мимолетное впечатление от детей, в которых светится Свет. С нами такое уже было - после спектаклей незнакомые дети прилеплялись к храму, к детской приходской жизни. А двоедушие в человеке разовьется и без театра, если он не привыкнет неустанно свою душу строить, как тот дом из Евангелия. Строить не на песке, а на камне веры, любви, надежды, смирения и терпения.

Благодарные зрители - солдаты и дети

Елена Литвяк

Христос Воскресе!

Пасха 2004 года

Расписание богослужений на май 2004 года

1 Сб	Прп. Иоанна, ученика прп. Григория Декаполита (820-850). Сщмч. Виссариона пресвитера (1918); св. Михаила исп., пресвитера (1935).	8.30 Исповедь Часы Божественная Литургия. 17.00 Всенощное бдение.
2 Вс	Неделя 4-я по Пасхе, о расслабленном. Прп. Иоанна Ветхопещерника (VIII). Свт. Виктора исп., еп. Глазовского (1934); сщмч. Димитрия пресвитера (1942)	9.00 Исповедь Часы Божественная Литургия.
4 Вт	Прав. Алексия Бортсурманского (1848). Св. Николая исп., пресвитера (1933).	17.00 Всенощное бдение.
5 Ср	Преполование Пятидесятницы.	8.30 Исповедь Часы Божественная Литургия. 17.00 Всенощное бдение.
6 Чт	Вмч. Георгия Победоносца (303).	8.30 Исповедь Часы Божественная Литургия.
7 Пт	Мч. Саввы Стратилата и с ним 70-ти воинов (272).	17.00 Вечерня. Утреня.
8 Сб	Апостола и евангелиста Марка (63).	8.30 Исповедь Часы Божественная Литургия. 17.00 Всенощное бдение.
9 Вс	Неделя 5-я по Пасхе, о самаряныне. Свт. Стефана, еп. Великопермского (1396). Поминование усопших воинов.	9.00 Исповедь Часы Божественная Литургия.
14 Пт	Прор. Иеремии (VI в. до Р. Х.). Прп. Пафнутия Боровского (1477).	17.00 Вечерня. Утреня.
15 Сб	Перенесение мощей блгвв. Кнн. Российских Бориса и Глеба, во Святом Крещении Романа и Давида (1072 и 1115).	8.30 Исповедь Часы Божественная Литургия. 17.00 Всенощное бдение.
16 Вс	Неделя 6-я по Пасхе, о слепом. Прп. Феодосия, игумена Киево-Печерского (1074).	9.00 Исповедь Часы Божественная Литургия.
19 Ср	Отдание праздника пасхи. Прав. Иова Многострадального (ок. 2000-1500 гг. до Р. Х.)	17.00 Всенощное бдение.
20 Чт	Вознесение Господне. Воспоминание явления на небе Креста Господня в Иерусалиме (351).	8.30 Исповедь Часы Божественная Литургия. 17.00 Всенощное бдение.
21 Пт	Апостола и евангелиста Иоанна Богослова (98-117).	8.30 Исповедь Часы Божественная Литургия. 17.00 Всенощное бдение.
22 Сб	Прор. Исаии (VIII в. до Р. Х.). Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар (1087).	8.30 Исповедь Часы Божественная Литургия. 17.00 Всенощное бдение.
23 Вс	Неделя 7-я по Пасхе, святых отцов I Вселенского Собора (325). Апостола Симона Зилота (I)	9.00 Исповедь Часы Божественная Литургия. 17.00 Вечерня. Утреня.
24 Пн.	Равноапш. Мефодия (885) и Кирилла (869), учителей Словенских.	8.30 Исповедь Часы Божественная Литургия.
28 Пт	Отдание праздника Вознесения Господня.	17.00 Вечерня. Утреня.
29 Сб	Троицкая родительская суббота.	8.30 Исповедь Часы Божественная Литургия. Панихида. 17.00 Всенощное бдение.
30 Вс	Неделя 8-я по Пасхе. День Святой Троицы. Пятидесятница.	9.00 Исповедь Часы Божественная Литургия. 17.00 Повечерие. Утреня.
31 Пн.	День Святого Духа.	8.30 Исповедь Часы Божественная Литургия.

В расписание богослужений могут вноситься изменения, вызванные болезнью священнослужителя и другими непредвиденными обстоятельствами.

Газета издается с марта 2001 г. Учредитель: Православный приход храма Рождества Христова.
143590, Московская обл., Истринский р-н, с. Рождествено. Тел. (095) 560-26-45. Тираж: 500 экз.
Главный редактор: священник Александр Елатомцев. Верстка: Дмитрий Борисов.
Номер отпечатан в типографии «Русские» г. Истра. Заказ № 135.

